

* * *

Сергею Мнацаканяну

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу,
Как будто бы мелочь в кармане,
Случайно найду я строку.

И, вторя ей, горная речка
Весёлую пару найдёт
У мостика возле местечка,
Где речка даёт поворот.

Строфою рождается образ
И птицею бьётся в строфе.
И эта вся горная область
Поэзией выйдет к тропе.

И – облаком дышит в долине,
Где к осени греет костёр.
И – холодом веет к вершине,
Где беркут крыла распростёр.

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу
Нас мир окружающий манит
И следом рождает строку.

А я ничего не умею,
А я ничего не хочу.
А я перед этим немею
И не зажигаю свечу.

Я просто пишу стенограмму,
И авторство мне ни к чему,
Но путь мой к небесному храму
Не повторить никому.

* * *

Угрюмы вершины своей сединой,
И горы вдоль города встали стеной.

И месяц, над городом вскинув рога,
Купает в запруде всю ночь двойника.

Прохлада ночная, цвета фонарей,
И мост над арыком, и ряд тополей.

Фонтан ли смеётся? – Алмаатинка.
В глазах её тает горная льдинка.

* * *

Не зная племени, не зная рода,
Основ не зная языка,
Ребёнок плачет, нет ребёнку года,
А в плаче – тайная тоска.
Он высказать пока ещё не может –
Обиду или просьбу, не поймёшь.
И это всё он в будущее вложит
И рассечёт – на правду и на ложь.

* * *

Тебя звали Алма,¹³
тебя называл
половиной
зелёного города,
имя твоё
торопливой строкою кассира
вписывалось
в голубой бланк

13 Алма (каз.) – яблоко, второе значение – «не бери».

авиабилета,
 когда к тебе я спешил,
 ты шутила при встрече:
 – Парень, не так переводишь,
 меня звать – «не бери».
 Имя моё,
 что плод,
 на который
 наложен запрет.
 Не так переводишь,
 парень,
 э, не так.

* * *

Не завидуй ближнему,
 Не завидуй дальнему,
 Что тебе отмерено,
 Быть тому сполна.
 Будут дни весёлые,
 Будут дни печальные,
 Будет жизнь долгая...
 Холмик. Тишина.

НЕБЕСНАЯ СВЯЗЬ

Грусть сентября.
 Паутина сквозь листья
 блестит.
 Телефонная будка.
 В ней – школьница,
 Трубку сняв с рычага,
 Трубный зов
 Журавлей
 Улетающих
 Слышит.

ОЗОНОВЫЙ ВОЗ-ДУХ

В ароматных иглах сосен,
 Что так радуют на вид,
Воз невидимый отбросив,
Дух божественный стоит.

Где-то схватится устало
 Под слоями атмосфер

С тем, что нас
 сверх
 пропитало –
 По шкале научных мер.

Словно обращаясь к Богу,
 Жаждем чистого глотка...
 Может, в этом нам помогут
 Грозовые облака.

* * *

И комната, и среди ночи ты,
 Прижав к груди, баюкаешь ребёнка.
 И в полумраке белая пелёнка,
 Как белый флаг притихшей суеты.
 И жизни незасвеченная плёнка
 Проявится, сметая тень беды.
 Взгляну глазами своего ребёнка
 На просветлённые твои черты.

И многое мне надо бы сказать,
 Так многое, что лучше промолчать.
 Вот – пантомима жизни, а не сцены.
 Неважно говорить, важнее знать.
 И, зная, никому не объяснять,
 Невидимые чужа перемены.

СТОЛИЧНЫЙ ВЕТЕР (из прошлого века)

*Я не хочу среди юношей тепличных
 Разменивать последний грош души.*
 О. Мандельштам

С единственным рублём в кармане
 Гуляю по ночной Москве.
 Меня при встрече не обманет
 Великодушный
 Старый сквер.
 Он отчеканит золотые
 Из черных крон.
 И этот дар
 Швыряю я на мостовые –
 Как самозванный государь.
 Столичный ветер,
 Мне знакома
 Твоя гуляющая мощь.

И мне не отсидеться дома
В такую ночь,
В такую ночь!

На Пушкинскую площадь выйду
И растворюсь в твоей толпе.
Я сущности своей не выдам:
Мне плакать хочется и петь.
Проходящая толпа, родная,
Разноязычная толпа,
Тянулась к центру ты от края,
К тебе ведёт моя тропа.

Я к твоему склонюсь граниту
И машинально закурю...
Тебя,
Мой город-повелитель,
Рублём последним одарю,
И до отчаянья последним
Мятежным выдохом души.
И, неизвестный мне посредник,
Меня назвать ты не спеши.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

*Тяжело-звонкое скаканье
По потрясённой мостовой.*

А. С. Пушкин

Чу, неоновый свет напророчил под шумящую где-то листву:
Скачет всадник по городу ночью, и – копыта тревожат Москву.
Спасся он от змеиного яда, мчится он все свои двести лет.
На бульваре не бросил он взгляда на страницы вчерашних газет.
Он к печальному богу подъедет, не по-царски, без праздных речей,
Дёрнув бровью, поделится медью, что осталась от белых ночей.

СОМНАБУЛИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Где дышат Патриаршие пруды
Вечерним светом отражённых окон,
Там над скамейкой, где сидела ты,
Свисая с ветки, шелковичный кокон
В угоду рифме твой напомним локон.
И повторится всё: сидела ты,
Дышали Патриаршие пруды
Вечерним светом погружённых окон.
Быть может, персонажи баснописца
Из дерева и камня оживут.
Мартышка, рак, ворона и лисица
К скамейке подлетят и подползут.
И скажут мне, что, опустив ресницы,
Вчера весь день она грустила тут...

И – ни к чему ей был Литинститут.

ОСТАНКИНО

Встаёт державный шпиль бетонной телебашни,
Над городом пространств так распахнув крыло,
Что где-то спутник борозду небесной пашни
Ведёт, ведёт, ведёт – до встречи с НЛО.
В останкинском пруду не спит моё весло.
Я, погрузив его, отгрёб пустые шашни.
И в отражённый шпиль восходит день вчерашний,
Мерцая на воде сквозь тёмное стекло.

И вновь фантазия проспекта Королёва
К бульвару Звёздному в ночи меня влечёт,
Как птица, не найдя под этим небом крова,
К кинотеатру «Космос» выправит полёт.
Сеанс идёт всю ночь. У входа сторож слова –
Поэт с метлой и на полставки звездочёт.

МЕДЕО

Дороги горной серпантин
Петлял по склонам.
Стихийным росчерком вершин
Гудели кроны.

Столбы мелькали и дома,
Шуршали шины.
В который раз сводил с ума
Вираз машины.

И, повторяя поворот
Высокогорный,
Сталь конькобежца режет лёд,
Скользя проворно.

Спираль движения звенит,
Щекочет нервы.
Сейсмологический зенит
Там, где-то в недрах.

Не раз качнёмся на весах
И – на качелях,
Оценка в баллах и в очках
Во имя цели.

Ключами всё заведено,
Но по соседству
С невидимым веретеном –
Душа и сердце.

Где вечен запах кизяка
И дым над речкой,
Пастушка на холме легка
Среди овечек.

ЧУФУТ-КАЛЕ

Немой упрёк уничтоженью
Пещерный град Чуфут-Кале.
Здесь камень
Не подвластен тленью,
Кенассы¹⁴ ждут богослуженья,
Ютятся гнёздами в скале.
Боярышником,
Дерезою,
Шиповником в цветах оброс
Путь,
Что тянулся вверх
Грядую,
Века сминая под собою,
И – подаривший нам вопрос.
Впечатана здесь в древний камень

14 Кенасса – караимский храм.

Векам раскрытая ладонь.
Я воспою её стихами,
Гирей меня заточит в яме,
Но не свернет с дороги конь.
Последним стану караимом,
Мне с дервишами по пути.
И навсегда расстанусь с Крымом,
Чтоб очутиться в Третьем Риме,
В нём – линию судьбы найти.

* * *

На свои только силы надеюсь,
В эту ночь никого не зову.
Словно волк я от стаи отсеюсь,
Где-то там у костра отогреюсь
И – живую увижу траву.

Воплощусь в неизвестном поэте,
Возвращусь – не признает никто.
Только разве что взглядом отметят
На своём ритуальном совете
Старомодное это пальто.

Да и сам никого не признаю.
Воротник подниму на ветру.
Пьяный воздух свободы глотаю,
Может, зря эту книгу листаю,
Если ясно всё будет к утру.

* * *

Нашей повести сюжет
На две поделён квартиры.
Бродит нашей встречи свет,
И его в кругу планет
Чёрные не скроют дыры.

Встанем молча у окна,
За окном сквозь иней город.
На двоих нам даль дана,
Что за городом видна,
Несмотря на внешний холод.

Тонкой вязки свитерок.
Ворот в нём почти раскрыт.
Вот и всё, но знает Бог,
Взгляд, что пойман был врасплох,
К ночи нас приговорит.

Будет ночка коротка,
Будет дальняя дорога.
Чёрной нитью свитерка,
Что бежит с воротничка,
Выйдет нашим дням тревога.

И над бездной самолёт
Вздрогнет в турбулентной зоне.
Я не знаю, что нас ждёт.
Алым огоньком мигнёт
Ангел где-то над Гудзоном.

Нашей повести сюжет
Прост – как дважды два четыре.
Почему не тает свет,
Даже если света нет
В этом разношёрстном мире?..

* * *

Дорога горная в тумане,
Где видимость как в полусне,
Мифической тягую манит,
Не оставляя в стороне.

И где-то на каком-то склоне
Цепь времени качнулась вспять.
И всё переменялось в корне,
Что разумом мне не понять.

И хроника прошедшей жизни
Бег обрывает у моста.
И мой двойник меняет линзы,
Воспринимая роль с листа

Мои воспринял он ошибки,
Мои воспринял он мечты.
И беззаботной нет улыбки,
Одна усмешка суеты.

А мой двойник из-за тумана
Почти не виден в час ночной.
Невидимая ноет рана
И не проходит стороной.

А мой двойник садится где-то
В автомобиль, что не заглох,
Как будто ангел с того света,
Чтобы застать меня врасплох.

Мы с ним подружимся, однако,
Преодолеем перевал.
Не у дорожного ли знака
Его впервые я признал?..

На повороте разминёмся,
При встрече фарами мигнём.
Во всем без спора разберёмся,
Друг друга молча мы поймём.

Открою дверцу у оврага
И закурю в неясный час.
Туманом влажная бумага
Скрывает важный в ней указ.

А у меня права иные,
Мои права увёз двойник.
Дни за туманом снеговые
Раскроют ветром мой дневник.